

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д. Г. Демидов

ВОПРОС О СИНКРЕТИЗМЕ

(Пименова М. В. Красотою украси: Выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Филологический факультет СПбГУ; Владимирский государственный педагогический университет, 2007. — 415 с.)

Новая книга представляет собой обширное исследование по лексикологии древнерусского языка, существенно уточняющее наши представления о синкретизме лексического значения. Прежде всего в ней показана принципиальная нерасчлененность дескриптивного и прагматического аспектов древнего лексического значения: то, чему мы приписываем дескриптивный характер, внутри себя содержит уже и оценку. Источником послужили древние тексты непосредственно, а не словари и картотеки, что позволило избежать «подмены средневековой ментальности логикой ученых-лексикографов XIX–XX в.» (С. 5).

Большое место отведено теоретическим основам исследования. Разделяются субъект, объект, основание и характер оценки. Древнерусский период XI–XVII в. не разбивается внутренней границей конца XIV в. на «древнерусский» (в узком смысле) и «старорусский», поскольку архаические тенденции могли даже усиливаться и в более позднее время. Проводится различие между абсолютным (хорошо — безразлично — плохо) и сравнительным (лучше — равноценно — хуже) оценочными значениями.

В центре внимания оказываются понятия семантического синкретизма и синкретсемии. Языческий аксиологический синкретизм внешним описанием передавал существенные оценки (например, при описании «испытания вер» князем Владимиром). Христианство уже разграничивает «очи телесные» и «очи сердечные, умные».

Синкретичные сочетания (синкретемы) могут быть показаны на примере этимологических фигур разнообразного строения: *дождь одождитъ, добытка добыша, мосты мостити, видети видение, пословаше посольство, метлой мести, лстяшие лстыю, свет светлый, просветивый свет, стрелой застрелити, повозы возити, исполчити полкы, ряды рядити, воздати воздаяние, видимая и невидимая, неразумный и безумный* (С. 60). Такие этимологические фигуры к XV в. «растягиваются», как и синкретичные сочетания других типов, и распределяются уже по целым периодам. Древняя ментализация в составе одной семемы уступает место идеации в составе целого текста. Новейшие эпидигматические отношения выражаются уже вне текста. Предметы речи («референты») теперь просто идентифицируются при помощи денотативной синкретсемии — родовыми терминами (С. 68).

«Синкретемы представлены тремя основными структурно-семантическими типами (*парадигматический, синтагматический и эпидигматический*) и многочисленными видами синкретем (парные именованья, двандва, словосочетания с постоянными эпитетами и устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты, устойчивые сравнения, этимологические фигуры), которые выполняют в тексте не стилистическую («украшающую») функцию, а семантическую, поскольку данные устойчивые единицы, на наш взгляд, отражают процесс закрепления за объектом существующего вне времени и пространства признака как постоянного свойства, включающего в себя обязательный оценочный компонент: 'такой, какой должен быть' (*светлый свѣтъ, синее море*); 'включающий должное' (*радость и веселье, стыд и срам*); 'отвечающий норме, стандарту, идеалу' (*добрый молодець, красна девица, святые иконы*); 'проявляющий себя так, как должно' (*свет светится, свѣтящесе яко съльнце*); 'делающий что-либо так, как должно' (*золотом золотить*)» (С. 71).

При анализе способов выражения эстетической оценки обращает на себя внимание обилие постпозитивных кратких прилагательных (*поле красно, градъ чуденъ, яблоко добро*), что является признаком остаточной предикативности атрибута. В случае расширения сочетания предикативное значение прилагательного усиливается

вплоть до формально выраженной позиции именной части основного составного именного сказуемого: *оуноша красенъ зѣло, сиа вдова... естъ красна паче иныхъ женѣ*. Разбираются сочетания с прилагательным, существительным, глаголом в качестве главного слова, парные сочетания. Всего рассмотрено 16 различных моделей таких словосочетаний: 12 — с мелиоративной оценкой, 3 — как с мелиоративной, так и с пейоративной оценкой, 1 — с пейоративной (*доброта увядает*).

Особую ценность представляет разбор эвалюативных описаний внешности — больших периодов — развернутых словесных портретов. Портретные описания более разнообразны, чем это может показаться на первый взгляд: в сфере внимания древних писателей оказывается не только внешность, но и запахи; не только живые лица, но и покойники; оценки не только мелиоративные, но и пейоративные. Отдельно берутся такие источники, как иконописные подлинники, закладные (кабальные) книги, травники, «Домострой», сказания, повести, жития, хождения. Раскрываются способы толкования внутренней сущности описываемого персонажа. Тексты анализируются с точки зрения синкретизма описания/повествования, описания/толкования, повествования/толкования, описания/толкования/повествования (в «Слове на Фомину неделю» св. Кирилла Туровского). Описывается механизм перерастания синкретизма словесных рядов в рассуждение.

Автор приходит к выводу, что положительная или отрицательная оценка складывается за счет синкретсемичных единиц вроде *краснѣ, лѣпѣ, златѣ, красота, доброта, лѣпота, украси, краснѣ; худѣ, хоудость* и под. Основание оценки (с точки зрения эстетического идеала) выражается обычно словами *вид, видение, взорѣ, зракѣ, лице, обличье, образ, подобие, тело; град; горы; земля, сад, поле; палаты, трапеза; ризы, одежды, одеяния, рубы, платье; телесныя, личная, человеческая, земная, ризная; зѣло, вельми, паче всех; несканна, неизреченна; учинено, исписана, уставлена, помощена* и под. (С. 134). Заметим, что ряд, в который попадают слова *лице, обличье*, проясняет этимологию *lik- как 'внешность, точное изображение' и лишь затем 'лицо'.

Налицо вторичная мотивация значений в эпоху, когда синкретсемия переходит в полисемию и на базе древних метонимических отношений (по реальной смежности) складывается вторичная метафора (по признаковому сходству), как в слове *жажда*. Конкретизация основания оценки происходит в функциональных условиях текста — описании, повествовании, толковании/рассуждении. В эвалюативных описаниях эстетическая оценка переходит с уровня словосочетания (контекста) на уровень текста.

Особое внимание автор уделяет развитию словосочетаний, называемых синкретемами. Излагаются результаты применения наиболее точного в историко-лексикологических работах метода — текстологического. За основу берутся разночтения. Словосочетания могут расширяться (*Девгений — прекрасный Девгений, красота — личная красота*), сокращаться (*о красотѣ и о добротѣ — о красотѣ, зрак лица своего — зрак свой*), варьироваться в лексико-семантическом, морфологическом и/или синтаксическом отношении. На с. 147 находим анализ и полную библиографию обсуждения знаменитого разночтения *бѣ Якунѣ съ лѣпѣ* (в Лавр. и Ипат. лет. под 1024 г.) — *бѣ Якунѣ сѣлѣпѣ* (другие списки). Мелиоративная оценка сменилась на пейоративную не в последнюю очередь из-за ставшего архаическим и малопонятным постпозитивного положения и собственной простой формы указательного местоимения: правки *Якунѣ съ* на **Якунѣ сей* и **сей Якунѣ* нет, зато могут быть вставные редуцированные, и это затрудняло в определенную эпоху понимание контекста. История с выражением *Якунѣ съ...*, переосмысленного как «Гакон слепой», — очень яркий пример первичности и исконнославянского характера постпозиции указательных местоимений (ср. исконное *дньсь* и калькированное *сегодня*). Рассматривается история конкретных синкретичных словосочетаний и целых развернутых формул по разным текстам. Едва ли можно вообразить себе, сколь кропотливый и усердный труд стоял за поиском сопоставимых контекстов; каждая из нескольких десятков интертекстуальных находок могла бы составить предмет интереснейшей самостоятельной статьи! Здесь же все они собраны так, что вполне можно делать принципиальные выводы о развитии речевой стратегии при эстетической оценке.

Последняя пятая глава посвящена уже не синтагматике, а деривации и парадигматике. В ней анализируются употребления производных от основ -крас-, -лѣп-, -добр- и под. Интересно отметить многократно анализируемое явление энантиосемии (С. 228, 241, 253, 268, 276, 288), удивительно широко распространенное в гнездах слов, связанных с эстетической оценкой. Этот факт, между прочим, доказывает вторичность оценки, обособленной от прямого реального описания (дескрипции), и в то же время наводит на мысль, что в рамках синкретичного значения оценка находилась, так сказать, поверх мелиоративности и пейоративности в современном смысле — прагматический компонент, видимо, входил в градуальный ряд и был всегда относителен: на фоне ряда *благость(ыня) — добро(та) — зѣло(ба)* высказывание *доброта увядает* (единственное будто бы пейоративное!) уже не выглядит абсолютно пейоративным, поскольку внешняя дебелисть и телесное здоровье исчезают, зато истинная душевная красота и мудрость возрастают; внешняя дескриптивная характеристика здесь пока преобладает. Последовательно проводится полевой подход — единственно возможная замена жестких лексических парадигм, соответствующая реальности. Все корневые группы разделены на 7 ярусов, постепенно удаляющихся от центра к периферии.

Рассматриваемый материал вызывает множество размышлений словообразовательного порядка. Например, к излагаемому в книге можно добавить, что в прилагательном *красивый* эстетическое значение специализировалось за счет суффикса -и-в-, сложившегося при опоре на новую модель причастия перфекта от глаголов IV класса (ср. *благочестивый, ~любивый, нерадивый, служивый, гугнивый, льстивый, милостивый, учтивый*), использовавших удаленный дейктик оппозиции **-i*: **-ц* (ср. сравн. степ. *краше* с остатками **i* и *овъ*, *крас-ив-ый* с остатками **ц*), в то время как *цветовое* значение закрепилось (с XVI в., см. с. 225) за производным с суффиксом -ьн-, связанным своим происхождением с первым (ближайшим) членом более новой оппозиции *онъ*: *овъ*. Разница хорошо видна в остаточных специализированных формах типа *крашенъ* страдат. залога, *красьнъ* средн. залога и *красивъ* действит. залога.

В целом историческая эволюция эстетической оценки связана с утратой дескриптивного компонента значения и вычлениением из синкретичной дескриптивно-ценностной оценки исключительно ценностного компонента. Постепенно осознается различие между носителем оценки и самой оценкой.

Книга снабжена удобным словоуказателем. В ней читатель найдет множество тонких и верных частных лексико-синтаксических наблюдений над выражением эстетической оценки в древнерусских произведениях словесности.

Всякое добротное исследование по русскому историческому языкознанию побуждает к «сверке рядов» и вдумчивому критическому совместному рассмотрению научного аппарата. Остановимся подробнее и мы на двух терминологических нововведениях, предложенных в книге, *синкретеме* и *синкретсемии*. Синкретемы суть «минимальные лексические единицы древнерусского текста» (С. 52), «синтагмы, содержащие принадлежащие к различным частям речи синкретсемичные словоформы» (С. 6). Синкретсемия — это «особая семасиологическая категория» (С. 6), выражение либо одним словом-синкретой «двух и более нерасчлененных значений» либо одной синкретемой, содержащей «два и более знаков», одного «синкретичного значения» (С. 45).

Новые термины появляются по трем причинам — одной субъективной и двум объективным: 1) субъективной — автору кажется, что он обнаружил новую сущность за новым термином, в этом случае при внешнем формальном термине отсутствует должествующее стоять за ним особое научное понятие, поэтому критика такого термина бесполезна; 2) объективной — автор действительно нашел особый объем и выявил существенные признаки содержания нового научного понятия, но соответствующему термину приписал не существующие в действительности признаки данного понятия, и оно остается заданным, критика такого термина связана с предложением другого, более подходящего термина; 3) объективной — автор полностью определил новое научное понятие, показал границы его применения и в соответствии с этим придал ему словесный облик, т. е. нашел термин; критика в этом случае связана с привлечением новейших смежных научных понятий, которые могут скорректировать границы применения предложенного понятия-термина либо вовсе опровергнуть его. Но даже в этих обстоятельствах следует признать пользу для науки предлагавшихся терминов. Так, *глухие*, или *иррациональные*, гласные — это звуки, соответствующие знакам *ь* (как в местоимении *сь*) и *ъ*. В этих терминах подвергается сомнению действительность гласных звуков. Она доказана, например, при передаче ими заимствований, поэтому прежние рабочие термины заменились более подходящим термином *редуцированные* гласные.

Предлагаемое слово *синкретема* сразу создает впечатление рабочего термина, так сказать, готового к замене, поэтому мы склоняемся оценить его по второму разряду. Чтобы критически рассмотреть его, необходимо найти для него парадигматический контекст подобных терминов. Ряд терминов с греческим суффиксом -ем- обязан своим происхождением таким старым словам, как *стратаг-ем-а*, *сист-ем-а* ('состав, соединение, стройное целое', с ударением на первом слоге по-гречески), *пробл-ем-а*, *теор-ем-а*, а в нашей области — надстрочный знак *кендема*; ср. более новые *мифологема*, *философема*, *культурема*, *лингво-культурема*, *логоэпистема* (примерный синоним *концептум*). В более узком смысле в рамках структурной лингвистики «эмические» понятия как инварианты включают «этические» понятия как свои видовые варианты. Ряд «эмических» терминов показал свою жизнеспособность по убывающей от *фонемы* к *текстеме*. Если привлечь понятия глоссематики (*глоссема*, *таксема*, *кенема*, *плерема*), в которой «эмический» метод был развит до своего формально-логического конца, прибавить понятия дескриптивистики (*глосса*) и адаптацию направлений структурализма в советском и новейшем российском языкознании, то получится (с изъятиями) приблизительно следующий ряд: *таксема*, примерный синоним *дифференциальный признак*; *кенема*, примерный синоним *фонема* (*вариант*, *вариация*, (*алло*)фон, *оттенок* и под.), *архифонема*, *гиперфонема*, *морфонема*, *группофонема*, *графема*, *артикулема* (*артикулета*, сообщено проф. М. Б. Поповым); *силлабема*, *морфема* (*вариант*, (*алло*)морф и под.), *сонема*, *номема*, *грамматема*, *монема* (включая корневую¹); *лексема* (*лексико-семантический вариант*, *словоформа*, *аллолекс* и под.); *плерема* (?), примерный синоним *семема* (*архисема*, *сема*, *семантический признак*, *семантический множитель*), *ноэма*, *семантема*; *синтаксема* (и *синтакса* у И. Ф. Вардуля); *синтема*, *синкретема* (если это инвариант, то варианты называются *синкретемами*²); *фразема* и *фраза* (в ее составе может быть несколько фразем-синтагм²), *интонема*, *коммуниканема*³, *коммуникатема*

¹ Яхонтов С. Е. Типология морфемы // Морфема и проблемы типологии. М., 1991. С. 88.

² Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977. С. 245.

³ Ианатов Б. Ф. Коммуникативный уровень языка // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. Мат-лы Областной научн. конф. «Проблемы деривации и номинации в русском языке». Тез. докл. Омск, 1988. С. 12–14.

(у И. В. Головкиной, С. В. Власова⁴, коммуникат⁵); наррема (эпизод⁶); текстема (у Э. Агриколы, Н. А. Слюсаревой, Т. С. Садовой, текст)⁷. Кенема и синонимы, плерема и синонимы, сонема, номема, грамматема, семема, ноэма, семантема суть односторонние «эмические» единицы, остальные — двусторонние. Таксема, не входящая в коммутации, может быть противопоставлена глоссе — любой единице языка, пригодной для коммутации. Синкретема никак не может быть причислена к глоссемам, но только к таксемам. Артикулема, интонема, а также, возможно, графема, синтема, фразема, коммуниканема и текстема если и могут быть полезными понятиями лингвистики, то только как таксеммы, иначе говоря, вспомогательные, операциональные понятия, с помощью которых вычленяются пригодные для анализа единицы текста, но не основные строевые единицы языка, входящие в системные оппозиции.

Возрожденное понятие экспрессы и введенное понятие эвристемы⁸, вероятно, послужат более строгому изучению поэтического языка. Но если язык поэзии — часть общенационального языка и в своей основе входит в объем понятия русского литературного языка, то и эти поэтические глоссеммы становятся общими таксемами. Здесь нет возможности подробно обсуждать этот опыт распространения наследия структурализма на науку о языке поэзии.

Уже при интерпретации морфемы возникают затруднения, связанные с различием корня, стремящегося к лексеме (со своей семантемой), и аффиксов, стремящихся к фонеме. Так, в словоформе *приде-т* и в слове *по-т-омокъ* одна и та же морфема выполняет функции, настолько удаленные в разные стороны от исходной местоименной, что стираются различия между морфемой и лексемой. Представление о единстве удается сохранить, введя понятие *монемы* по А. Мартине. «Эмическое» понятие (если оставить в стороне работы А. Ф. Лосева и подобные непосредственные апелляции к греческому) всегда представляет собой инвариант как род с полностью подчиненными ему известными вариантами как видами. Вот почему освоение такого понятия наталкивается прежде всего на трудности исчисления реальных вариантов и их соотношения с единым инвариантом. Даже в биологии родо-видовое членение мира животных и растений наталкивается на ряд трудностей, связанных с «набрасыванием логической сетки» на стихию живого, язык — образование духовное — является более тонким объектом и еще менее приспособлен к жестким таксономиям. Это хорошо видно на каждом «синхронном срезе», имеющем бывшие фонемы и фонемы потенциальные.

Уровень словосочетания (фразеологизма, в частности) вообще плохо поддается «эмическому» осмыслению. Насколько бы важным он ни был, он остается промежуточным между лексемой и предложением. Точно такое же промежуточное положение между фонемой и морфемой наблюдается у слога — единицы незначимой, в отличие от syllabемы — морфемы, всегда равной слогу. Выделенная и подробно описанная в книге разновидность словосочетания, без сомнения, обогащает наши представления о средневековых способах соединения слов в речи, но не может претендовать на статус отдельной единицы языка, на что, казалось бы, однозначно указывает суффикс *-ем(а)*; такие словосочетания-синтагмы сопоставимы с выделяемыми в современном русском языке связанными комбинированными сочетаниями типа *человек высокого роста*. «Синкретемы» имеют схожее строение: *взоромь красенъ*. В подобных развернутых определениях устанавливаются взаимовосполняющие семантические отношения, как, например, в счетных оборотах (в этом смысле они очень архаичны: в сочетании *пять столов* семантический центр не совпадает с морфологическим, ср. *земля пахать*). Это и создает ситуацию синкретизма, гораздо шире распространенную в древнерусском, нежели в современном русском. Более простые «синкретемы» типа *красна девица* также содержат определение в определяемом и определяемое в определении. Структурно-синтагматическая синкретсемия создает и здесь особую синкретичную разновидность словосочетания, но не некий инвариант, изучаемый в виде совокупности своих вариантов. Исследованный материал прекрасно показывает, что в древнем языке не сформировалась даже лексема: синтагматическая граница слова свободно преодолевается в речи, особенно такой, которая дает эстетическую оценку. Проникновение «эмической» терминологии в сферу сочетаний слов создало бы опасный прецедент поиска мнимых лингвистических сущностей. Для каждого уровня возможна только одна эмическая единица, и синкретеме пришлось бы перенести с уровня слова, где уже есть лексема, на уровень словосочетания. Но тогда невозможно было бы отразить компрессию синкретемы в слово, как невозможно отразить переход лексеммы в морфему, морфемы в фонему. С этим обстоятельством, между прочим, связан отказ в школьной грамматике эпохи структурализма от термина *частица -ся*, который как раз и показывал переход лексеммы в морфему. Обязательным условием надежного непротиворечивого действия «эмических» единиц является отвлечение языка от всех его внешних связей, включая

⁴ Головкин И. В. Введение в синтаксис современного японского языка. М., 1979. С. 49; Власов С. В. Коммуникативное и синтаксическое членение высказывания // Члены предложения и классы слов в романских и германских языках. Л., 1983. С. 55 и след.

⁵ Власов С. В. Эволюция норм французского синтаксиса (на материале письменного-литературного языка XVI века). АКД. Л., 1986. С. 7.

⁶ Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. С. 467–472.

⁷ См. также постоянно пополняемый тезаурус «эмических» терминов на сайте <http://shaoulski.livejournal.com/48648.html>.

⁸ Григорьев В. П. Авторская лексикография и филология (реплика О. М. Карповой и Н. А. Богомолу) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 315.

предшествующие и последующие состояния, иначе говоря, связей со временем. Язык должен быть отвлечен в этом случае и от текста — его реального воплощения.

Если речь идет не о языке, а о тексте и его единицах вроде типового контекста, топоса, то и здесь выработалась уже своя терминология, избегающая суффикса -ем(а). Можно, правда, ввести новый суффикс, как у химиков (-ад-, -ид-, -ат-, -ит-), заимствуя другой гласный из близкой греческой модели и придавая ему особое значение, но это потребует дальнейшей известной академической дисциплины, на что едва ли можно рассчитывать. Скажем, единицы речи или текста, находящиеся в родо-видовых логических отношениях, можно называть с помощью суффикса -ом(а). Тогда языковеды заимствовали бы уже не биологические образы (морфология растения — морфология слова), а медицинские представления о точном определении диагноза (*глаукома, саркома, аденома* и под.). Диагностика болезни (человека) и диагностика текста (речи) — задачи очень близкие. Начало уже положено, ср. *идиома*. И так, более подходящим был бы термин *синкретома*.

Во французской лингвистической традиции существует термин *синтема*, введенный А. Мартине: несколько грамматических слов в одной синтагме, имеющих одну семему. О таких единицах языка — новейших «синкретемах» — упоминается и в книге: *детский сад, домовая книга, лучевая болезнь, дать совет, найти решение, одержать победу* (С. 70). Но некоторые из моделей речи дают единицы языка лишь в позднюю эпоху, и возникает опасность того, о чем предупреждалось в начале рецензируемой книги, — переноса современных представлений на древний текст. Если *домовую книгу* назвать синкретемой, то *честь и слава* таковой уже являться не будет, как принципиально уже не являются синкретемами словосочетания, напрямую восходящие к ним: *господин высокого роста, дама приятной наружности*. В них уже нет лексической синкретсемии, остался только внешний морфолого-синтаксический синкретизм. Современные перифразы организованы на грамматическом уровне, чему способствовало, например, становление сложных времен.

Во всяком случае, не стоит питать надежды, что новому структуралистскому термину суждено прочное место и долгая жизнь в филологической науке. Принцип укрупнения лексикологии, на который опирается автор, дает термины на -ия типа *лексия* (С. 24), но не на -ема. Всякое выделение «эмической» единицы как конструкта неизбежно сокращает и обедняет реальный диапазон исследуемого объекта (фонема — звука, морфема — вычленимой части слова, лексема — слова). Чтобы «укрупнить» предмет, прибегают к суффиксам -и(я), -изм, сохраняющим указание на качество. Думается, что термин с суффиксом -ем(а) придает соответствующему научному понятию не только значение минимальной единицы определенного уровня языка, но и способность входить в (родовые) парадигмы и синтагмы, а также накладывает обязательства описать алгоритм поиска (видовых) вариантов.

Собственно говоря, противоречия заметны в самой книге. Синкретема называется минимальной единицей **текста**, но тут же вводится «в один ряд» с минимальными единицами **языковых** уровней (перечисляются синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема, с. 52–53; заметим, что в порядке, обратном нашему и обратном времени появления терминов в языкознании). Здесь справедливо говорится о минимальности объема единицы, называемой термином с суффиксом -ем(а), но выше упоминается обратный «принцип укрупнения» лексикологии. На с. 55, правда, читаем, что «на уровне *языковых единиц* системность реализуется в грамматической упорядоченности синкретем... а также в повторяемости и относительной устойчивости лексико-семантических моделей.../типов/образцов/речений.../сверхпарадигм... анализируемых в семасиологическом аспекте...». Далее приводится ценный список из девяти моделей, но их разнообразие (и разнообразие внутри них, см. выше перечень этимологических фигур) говорит как раз об обратном: хотя сами модели и строятся на морфологических и синтаксических характеристиках языка, их реализация происходит в речи. В этом смысле «синкретема» (по сути связанное словосочетание с синкретичным значением) ничем не отличается от предложения. «Синкретема» (по-нашему, синкретома) и есть древнее определение предложения, отличающееся от современного, о чем писал А. А. Потебня, причем предложения «простого». Совмещение «синкретем» в большом «предложении» и есть механизм цепочечного нанизывания.

Таким образом, явление синкретсемии представлено в синкретичном словосочетании, для которого избыточным было бы привлекать «эмический» уровень понятий. Понятие *фонемы* исправно служит языкознанию, понятие *морфемы* рассыпается среди корней, формантов, формативов и субморфов разного типа и происхождения, понятие *лексемы* и вовсе просто плохо работает; опытные лексикологи и лексикографы обходятся без него. *Слово* составляет ему достойную конкуренцию. Разнообразные сочетания слов не могут составить «эмическое» понятие в принципе — появляется единица слишком сложного состава, и ожидаемый инвариант распадается на инварианты низшего уровня. В древнерусской речи слово уже представлено в определенной вполне оформившейся словоформе. Эти словоформы складываются друг с другом в речь по определенным правилам, многие из которых нам еще неизвестны. Механизм (правила) сложения словоформ в синкретичное словосочетание со значением эстетической оценки прекрасно раскрыт в работе, и весь представленный и проанализированный материал показывает, что это явление речи и ее традиций, но не языка.

Синкретсемия — более удачный термин. Он входит в ряд названий других семасиологических категорий: моно-, поли-, ди- (дву-), эври- (широко-) -семия (-значность) (С. 45). Синкретсемия рассматривается как

разновидность семантического синкретизма и представлена двумя типами — сигнификативным (сложное значение одного слова-синкреты) и структурно-синтагматическим: «одно синкретичное значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста (*синкретемы*)» (С. 50). Во втором случае можно усмотреть указание на очень важную особенность средневекового языкового мышления: несколько уже вычленившихся минимальных единиц языка все еще составляют минимальную единицу текста. Язык (устный и письменный) как бы обгоняет в своем развитии текст (письменный).

В отличие от моносемии, синкретсемия имеет дело со сложным, трудно определяемым современным человеком значением. В отличие от полисемии, все-таки с одним значением. Полисемия и есть распад синкретсемии. Проявляется он в том, что в одном и том же употреблении невозможно помыслить прежнее сосуществование значений. Позднейший специальный стилистический прием наложения ассоциаций с несколькими значениями полисемичного слова на одно употребление уже не может восстановить истинную синкретсемию, поскольку используется на фоне расчлененного на значения слова языка. То, что называется распадом полисемии, несомненно, более поздний процесс, чем распад синкретсемии (ср. хотя бы становление славянизмов и русизмов в русском языке типа *страна — сторона, власть — волость, небо — нёбо*, восходящих к единому синкретсемичному слову).

Принципиально важным для исторической лексикологии является представление о действии асимметричного дуализма языкового знака, проходящего через опыт разнообразных контекстов: 1) производящее (иногда этимон непосредственно), сужающее свое значение при помощи форманта (неустойчивое равновесие); 2) производное со своим лексическим значением (устойчивое равновесие, лексема); 3) благодаря массе контекстов это лексическое значение «обрастает» смежными ассоциациями (неустойчивое равновесие, сигнификативная синкретсемия); 4) лексемы языка, производящие в контексте единого словосочетания лишь одно лексическое значение (неустойчивое равновесие, структурно-синтагматическая синкретсемия); 5) специализация лексических значений на каждой лексеме словосочетания (так, в сочетании *день и ночь* союз и перестает выполнять объединительную функцию для выражения значения 'сутки' и становится соединительным, как в повторе *и день, и ночь*; устойчивое равновесие в тексте, полисемия); 6) распад полисемии (устойчивое равновесие в языке, омонимия); 7) сознательное субъективное наложение разных, вплоть до противоречащих друг другу ассоциаций в одном и том же употреблении (неустойчивое равновесие в тексте, диффузность значения). Третью и четвертую стадии мы можем проследить лучше, поскольку они, что называется, проходят на наших глазах, в письменный период истории языка. Пятая и шестая стадии проходят не ранее XV в., изучены хуже, поскольку источников много, а подходящих методов их исследования мало; кроме того, еще активно действуют 3-я и 4-я стадии, как хорошо показано в книге. Седьмая стадия — признак нашей эпохи рекламы, пиара и постмодернизма, когда текст и язык меняются местами. Кажется, что реальная устойчивость языка позволяет извлечь выгоду из номинальной неустойчивости текста.

В книге раскрывается, как явление синкретсемии способствует обогащению лексемы сначала особыми употреблениями, в которых она жертвует своей независимостью в языке, а затем и новыми значениями полисемичного слова. Субъект оценки развивается вместе с субъектом (гумбольдтианским «творческим духом») языка, поэтому и в объекте оценки вычленивается эстетический признак.

Синкретизму в целом как явлению средневековой речемысли уделяется все больше и больше внимания. Компаративисты объяснили происхождение грамматического синкретизма внешней флексии, историки индоевропейских языков продолжают изучать период «упадка форм» при тенденции к анализирующему и к новой агглютинации, по-разному преодолевающих древний синкретизм морфологических флективных форм. Синтаксическую значимость такого синкретизма прекрасно показал В. А. Баранов на примере именных форм на -о, прилагательных в именной (неместоименной, нечленной, неопределенной, простой) форме и в местоименной (членной, определенной, сложной) форме, которая среди других функций закрепляет за собой атрибутивную функцию⁹. Наименование прилагательных первого типа краткими, второго типа полными, как это принято в грамматиках современного русского языка¹⁰, заведомо лишает имена прилагательные первого типа бывшего синкретизма и навязывает древности новейшие отношения вторичной мотивации. Факт производности местоименных форм от именных установлен достаточно хорошо. Краткие формы уже не производны, но только со временем представляются такими, которые мотивированы полными формами (ср. риторическое понятие «усеченных» форм), и поэтому **кажется**, что образованы от них, тем более что краткие формы становятся несклоняемыми и возможны в наше время далеко не для всех прилагательных, даже не для всех качественных. Древняя категория определенности-неопределенности признаковых имен вообще перерождается в новую категорию полноты-краткости качественных имен прилагательных, в содержательном

⁹ Демидов Д. Г. Рец. на кн. Баранов В. А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. — 389 с. // ЯЛИК (Научно-информационный бюллетень «Информация, реклама, мнения. Язык, литература, история, культура»). СПб., 2004. № 59. Май. С. 15–16.

¹⁰ Иногда такая терминология сохраняется и применительно к древнерусскому материалу, см., например: В. Ж. Рец. на кн. В. А. Баранов. Формирование определительных категорий в истории русского языка. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. — 390 с. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (10). С. 325.

плане — в категорию абсолютности-относительности предикативного признака. Терминология стремится отразить различие в объеме и содержании древней и новой категории, находящей генетически преемственные внешние формы выражения. Применительно к русскому языку XI—XIV в. общеупотребительны термины *местоименные* — *именные* формы имен (прилагательных). Называть их краткими — полными было бы такой же оплошностью, что и местный падеж называть предложным. Частеречный (существительное — прилагательное — наречие — категория состояния) и лексико-семантический синкретизм признаков слов и словосочетаний с ними и является основным предметом таких трудов, как книги В. А. Баранова и М. В. Пименовой.

Фольклористы отмечают: «При синкретизме все проявления художественного творчества соединены с другими областями творчества, и все они включены в практическую жизнь»¹¹. Книжная культура наследует фольклорную традицию. Остаются следы обрядово-магического и мировоззренческого синкретизма. Сходство книжной культуры с фольклорной не просто типологическое, а генетическое. В рассматриваемой книге это показано подробнейшим образом на атомарном (точнее было бы сказать «молекулярном») лексическом уровне.

С точки зрения дальнейшего повышения качества научной работы в области исторической лексикологии рецензируемая книга представляет собой наглядный пример того, в каком именно виде можно и нужно приспособлять теоретическое, методическое и терминологическое наследие эпохи структурализма к новейшим исследованиям по языковедению, и является поводом к дальнейшим размышлениям на эту тему. Ясно одно: наличие словоформы, синтагмы в тексте дает основания для интерпретации и переинтерпретации той или иной морфологической и лексической парадигмы, категории, самой части речи. Без разработки реального и засвидетельствованного многочисленными фактами явления синкретизма здесь не обойтись¹².

¹¹ Аникин В. П. Синкретизм в древнерусской литературе в сравнении с фольклорным // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 8.

¹² См. Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. 1991. Сер. 2. Вып. 2. С. 40—49.

